30-33

4. Васильев Б.Л.
5. А зори здесь тихие...
6. Ленинград — ТЮЗ
7. реж. — Димант С.Е.
худ. — Берман Г.
комп. — Успенский В.

М. ЛЕВИН

ЖИЗНЬ ЖИВАЯ, РАЗНООБРАЗНАЯ

Ленинград так гениально замыслен и поставлен, так художественно экспонирован и исторически «сыгран», что редкий спектакль может выиграть в сравнении с ним. И все же...

Действительно, из десяти постановок, что я видел в этот приезд, пожалуй, лишь одна полностью вписывается в ленинградскую гармонию — так легко и пластично переходишь к ней из города и вновь возвращаешься в него. Будто остановился вместе с Бочаровым у подъезда одного из домов на Мойке, а затем вошел в большую, комфортабельную квартиру с кабинетом, сплошь заставленным книгами, где проходит беспокойная старость давнего нашего знакомого профессора Полежаева и его милой супруги Марии Львовны, Муси. Смотришь на все это виденное-перевиденное, как и на сам город, будто впервые и так же завороженно.

И не потому вовсе, что действие спектакля происходит здесь же, в Питере, что все так плотно входит в ленинградский мир, в ленинградскую историю. Вот ведь герои другого спектакля совершают хождение по мукам на тех же улицах, в тех же квартирах, а постановку не назовешь ленинградской. Не вписывается...

Что же остальные восемь? Так же не вписываются? Нет, почему же... Среди них почти нет таких, что вовсе не к лицу Ленинграду. в большинстве своем вопреки частностям они интересны, а порой и просто хороши. Правда, они больше обращены к прошлому. Приходится сожалеть, что современность, которой активно живет исторический город, редко выходит на его сцену. Но вполне ведь закономерно, что город революционной славы, колыбель Советской власти, в ленинский год обратился к истории — к историко-революционной теме, к советской классике. На юбилейных афишах «Любовь Яровая», «Гибель эскадры», «Сорок первый», «Хождение по мукам», «Конармия», «Беспокойная старость». Идут «Большевики», «Защитник Ульянов». Выходят на сцену герои Отечественной войны против гитлеризма.

Все это хорошо, как и всегда, во времени, но можно было переключить энергию, потраченную на усовершенствование слабых пьес или непритязательных инсценировок для поисков произведений о сегодняшнем дне, если не в самом Ленинграде, то во всесоюзном репертуаре. Вот ведь пьесу «Защитник Ульянова» не удалось улучшить даже в театре у Г. А. Товстоногова, а инсценировка «Хождения по мукам», сделанная Театром им. Ленсовета, оказалась хуже ранее созданных, в том числе и той, что когда-то шла на его сцене.

Конечно, не все, что было сделано «своими руками», оказалось неудачным. В Театре им. Ленинского комсомола улучшили инсценировку Е. Каплинской «Дансинг в ставке Гитлера», а Театр юного зрителя интересно «прочитал» повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие».

Если учесть, что список удач открывают превосходная постановка Г. А. Товстоноговым в БДТ «Беспокойной старости», в целом удавшийся ансамблевый спектакль «Большевики» в Театре им. Комиссаржевской, серьезная работа над пьесой В. Лаврентьева «Человек и глобус» в Театре им. Пушкина и здесь же впечатляющий образ Пушкина, созданный артистом Б. Родионовым в спектакле «Болдинская осень», и — говорят, я не видел — полноценная постановка «Любови Яровой» в Театре им. Ленинского комсомола, «Сорок первый» в Театре им. Ленсовета, то театральная жизнь Ленинграда покажется довольно живой и разнообразной.

Даже тогда, когда постановка слабой пьесы не обещала удачу, спектакль приносил нечто неожиданное. Я имею в виду «Защитника Ульянова» в БДТ (положившего начало серьезному событию в театральной жизни Ленинграда — открытию Малого зала театра). Здесь Кирилл Лавров сделал ответственную заявку на роль В. И. Ленина. Это показалось привлекательным не только потому, что К. Лавров был единственным ленинградским актером, вышедшим на сцену в юбилейный год в облике Ленина. При всем том, что пьеса ограничивала возможности К. Лаврова, то, что им сделано, открывает перспективу рождения нового, интересного исполнителя в сценической Лениниане.

В закончившемся сезоне было еще одно интересное открытие. Судя по стройности постановочного замысла и четкости его выполнения в столь трудной для сцены многослойной и многофигурной повести, как «Дансинг в ставке Гитлера» Анджея Брыхты, Ленинград получил хорошего молодого режиссера Владимира Воробьева. Ему удалось (с помощью умно и красочно оформившего спектакль художника С. Манделя и точно подобранной музыки, исполненной инструментальным ансамблем «Пилигримы») вырваться из джазовой стихии в насыщенную мыслью патетическую ораторию, представив в привлекательной для молодежи зрелищной форме большую мысль о том, что миру угрожает не только маскирующийся фашизм, но и легкомыслие, беспечность аполитичной молодежи.

В этом спектакле хорошо показалась ленинградцам дебютантка из Таллина Л. Кирокасян. Ее Анка не только изящная и легкомысленная девушка, но и человек незаурядной драматической судьбы. В ее сценической жизни, как и в поведении юноши Анста, хорошо сыгранного В. Яковлевым, выявилась основная мысль спектакля о том, что мир может быть сохранен, несмотря на коварство фашизма, при поддержке молодых сил, пусть еще не осознавших себя, но не способных к подлости, правдивых и чистых, жаждущих добра людям.

При всем том, что спектакль грешит неравномерностью развития, получилось интересное и впечатляющее идейно-художественное произведение.

Однако вернемся к главному, к лучшему спектаклю года, к «Беспокойной старости» в БДТ.

Спектакль выстроен по-товстоноговски энергично, последовательно по четкой внутренней логике, взращенной на богатой мысли и проявленной буквально во всем. В непрерывности действия, созданной скользящими вправо и влево плоскостями, обнажающими интерьеры (художник Б. Локтин), в бесконечности сценической жизни, как бы переливающейся из сцены в сцену, из одного эпизода жизни действующего лица или группы лиц в другой миг бытия, из мысли в действие, из действия в мысль. И в этой непрерывности, создающей музыкально-пластический рисунок спектакля, отчетливо и сильно проявляется атмосфера революции.

Театру удалось соизмерить глубокий психологизм, ювелирно раскрывший тонкость человеческого поведения и проживания, с масштабами социальных событий, обусловивших судьбы действующих лиц. В моменты, когда Полежаев — Юрский уходит надолго в себя, казалось бы, напрочь отключаясь от внешнего мира, мы явственно ощущаем не только громадную работу мысли, направленной на избранный предмет, но и то, как мощно движется эпоха через внутренний мир человека, который непредвзято и активно вбирает в себя ее новые идеи, мудро пренебрегая всем случайным и наносным.

Так же живет и превосходная актриса Э. Попова в роли Марии Львовны. Она создала на редкость привлекательный характер умной и чуткой женщины, равной по духовности своему великому спутнику жизни.

Хочется подчеркнуть, что постановка «Беспокойной старости» продолжает ту дорогую для нас линию БДТ, которая придавала едва ли не каждой работе этого театра характер принципиальный и программный. И это важно особенно сейчас, потому что в репертуаре БДТ появились постановки «непрограммные». Как и приличествует большой сцене, эти спектакли сделаны искусно, в них ощущается творческая энергия одаренного коллектива. Но в них нет того чудесного сплава из зрелой мысли, идейной точности и сценической выразительности, который придавал прежним постановкам на аналогичные темы неповторимость высокого искусства.

Понятно желание театра показать произведение крупного иностранного писателя. Но вчера это был точный, как снайперский выстрел, спектакль «Скованные цепью», а сегодня — «Луна для пасынков судьбы» Юджина О'Нила, пьеса, «стрелятельные возможности» которой, применяя выражение Маяковского, весьма ограничены и далеко не точны. Конечно, в руках Г. Товстоногова спектакль выстроился, в нем прочертилась тема бездушия мира, где личность не способна осуществиться, подавленная обстоятельствами жизни. Это сказывается в сценической атмосфере, в горькой комедийности жалкого «бунтаря» Фила Хогена, виртуозно сыгранного Н. Трофимовым, в драматическом нерве игры молодой И. Лаврентьевой, смело и с чувством стиля изобразившей Джози Хоген.

Но, показав всю жалкость «бунта» бедного арендатора против соседнего миллионщика, театр остановился, вынужден был остановиться перед либеральной полуправдой пьесы, подменяющей критику системы критикой обстоятельств, утешающей раба тем, что он лучше своего плантатора. Спектакль сам стал половинчатым, и не только в «общей идее», а вслед за тем и в художественном развитии. На стремнине действия остаются только Хогены, она дробится и замирает у фигуры Тайрона, типичного героя «утешительской» драматургии, опустившегося мужчины, испитого, разуверившегося в жизни, в любви. Право, жалко большого артиста Е. Копелина, которому приходится тянуть длинную, монотонную роль Тайрона, бормотать пьяным голосом вечно неопределенное, мистифицирующее загадочность личности, разбившейся в столкновениях (каких?) с суровой (лично для него в чем?) действительностью.

Добрые намерения режиссера, не раз умножавшего достоинства не во всем совершенных пьес, в этом случае не осуществились из-за разности воззрений драматурга и театра. «Борьба» с пьесой даже во имя ее улучшения грозит, как правило, нелостностью спектакля.

В какой-то мере это сказалось, хотя и в другом роде, на постановке Александра Товстоногова «С вечера до полудня». Пьеса В. Розова могла бы вызвать ощущение неустроенности человека в неуютном мире. Режиссер старался, чтобы характер и стиль спектакля не шли от тревожных отзвуков соседствующего с домом Жарковых зоологического парка, чтобы люди, населяющие пьесу, не выглядели вконец несчастными и горькими.

Но в постановке появились упрощения, некоторая облегченность как в обрисовке сложных коллизий, так и в раскрытии внутреннего мира персонажей. В чем-то спектакль «забытовился», и не только из-за подробного оформления Д. Афанасьева. «Бытово» вылеплены персонажи. Почему-то Андрей Жарков у П. Панкова стал грубым, неинтеллектуальным, даже недалеким человеком. В то же время у автора его драма в том, что талант оказался направленным не в то русло, — этим подчеркивается важная мысль о неразрывности личности и ее осуществления.

Почему-то Ким, несмотря на то, что он попал в руки такого актера, как К. Лавров, проявился в бесплодной и запоздалой ревности и даже скорее всего в обиде вульгарного мужского самолюбия. Куда интереснее и сложнее было бы показать большую, так и непогасшую любовь незаурядного, но скромного человека, перенесшего всю силу неисчерпанного чувства на сына, рожденного любимой женщиной. Неспроста ведь Ким в спектакле весь в шелухе неврастенических приспособлений бесхарактерного, неуравновешенного человека. В таком Киме приглушается борьба против «всадников», его филиппики на этот счет не выглядят выношенным убеждением, а кажутся плодом все той же раздраженности, неудачливости. Тем более что возражать по существу некому — Лева Груздев у О. Басилашвили настолько неопределен, так неуверенно, как бы извиняясь, говорит о своем отношении к жизни, что кажется, будто в «на коня» его подсадила мама.

В чем же дело? Что отразилось на целостности спектакля, на трактовке его образов? На мой взгляд, сказалось, как ни странно, хорошее и доброе намерение молодого и явно способного режиссера «высветлить» пьесу, смягчить ее «неустроенность». Ведь при всем стремлении автора осудить пошлость и безнравственность, при том, что отдельно взятые судьбы героев точны и поучительны, соединение всех неудачников в одном месте, отделенном лишь тонкими стенами от жизни, которая дает о себе знать довольно неутешительным набором из звериного рыка в соседнем зоопарке, и таких «всадников», как Лева и Алла, мешает и автору в воспроизведении полноты жизни, и режиссеру в поисках художественной правды.

Так, по разным причинам эти спектакли показались мне «непрограммными», недостаточно совершенными для большого искусства БДТ, особенно рядом и на фоне такого идейно-художественного, поэтически-страстного и верно нацеленного явления, как постановка «Беспокойной старости».

Впрочем, тут есть о чем поспорить, а дискуссия всегда интересна и полезна. Куда хуже, когда не возникает такой потребности, как, скажем, на спектакле «Хождение по мукам». Мне не хотелось бы судить о Театре им. Ленсовета, проявившем себя в ряде интересных работ, только по впечатлениям об одном, на мой взгляд, несложившемся спектакле. Но что поделаешь!

На афише значатся имена И. Владимирова как постановщика, Г. Опаркова — режиссера и А. Мелкова — художника. Кто автор инсценировки, не указано, но то, что она «доморощенная», у меня нет сомнений. Не знаю, как другим, но мне показалось, что данная инсценировка главным образом избегает всего того, что было в предшествующих, не предлагая взамен ничего интересного. В результате появляются пробелы, неувязки, недомолвки, и спектакль распадается на серию эпизодов-иллюстраций.

Мне нравится тонкий и вдумчивый актер О. Окулевич. Но почему уверенный в себе, респектабельный Смоковников превратился у него в старого, растерянного, сентиментального и облезлого барина, которого тем более жалко, что его убивают не фронте не разгневанные демагогией Временного правительства, уставшие от бессмысленной войны окопники, а, как это изображено в плохом и неверном сценическом эпизоде, кучка оборванных, мрачных субъектов, молча творящих самосуд?

Как бы ощущая несвязанность эпизодов, неполноценность воссозданной картины, театр вводит свои интермедии, видимо, призванные создать атмосферу и колорит эпохи. Сделаны интермедии в гротескно-сатирической манере, весьма банально и, главное, ни к чему.

Спектакль выручают «звезды» — А. Фрейндлих (Даша) и Л. Малеванная (Катя). Есть моменты, когда в полную силу проявляются высокая одаренность, обаяние первой и серьезность, талантливость второй.

Конечно, лучше ансамбль не звезд, чем звезды в несложенном ансамбле, но вовсе не плохо просто ансамбль без звезд. Вот ведь не выделишь кого-либо в спектакле «Большевики», поставленном Р. Агамирзяном в Театре им. В. Ф. Комиссаржевской, но спектакль получился и смотрится с интересом. Театр не стремится к портретности, не пытается изобразить многозначительность в исторически значительных персонажах, но все представлено достойным образом. В темпераментном движении спектакля органически возникает финал с затаенно-вдохновенным «Интернационалом».

И в другой постановке этого театра, в «Первой главе» Д. Аля ощущается желание театра коснуться большой и важной темы, реализовав ее средствами сценического ансамбля. Постановщик Наум Лившиц взял произведение интересное, примечательное, но весьма необычное: его персонажи, за редким исключением, исторические лица, великие люди. Перед нами цепь биографий, как правило, трагически складывавшихся в социальной обстановке, тормозившей истинный прогресс, угнетавшей свободу личности.

Что же это — мартиролог выдающихся людей, опередивших свое время, свидетельство извечной гибели прогрессивной мысли и ее носителей? Нет, пьеса показывает и доказывает обнадеживающую непреоборимость и победоносность свободной, плодотворной и революционизирующей мысли, которая, подобно солнцу, прорвав тучи, выходит в зенит. Таков замысел автора, и к такому прочтению стремится театр.

Театр произвел купюры. Это помогло сценичности, но в чем-то нарушило строй пьесы, базирующейся на исторической преемственности философской мысли и идейной борьбы. В общем же театр достойно представил галерею исторических персонажей, особенно Александра Герцена (И. Дмитриев), Николая Чернышевского (С. Ландграф). Их сцены отмечены глубочайшей страстностью и убежденностью.

Наряду с тем, что и некоторые другие эпизоды: встреча Филиппо Буонаротти (И. Резник) с Наполеоном Бонапарте (Ю. Овсянко), Роберта Оуэна (С. Боярский) с Николаем I (А. Азо), как и ряд монологов, получили удачное решение, некоторые сцены еще не сложились (эпизоды в жандармерии, фигура Перчаткина).

Театр, видимо, еще поработает над спектаклем, но уже можно отдать дань его смелости и вкусу в выборе неординарной пьесы, в стремлении создать интересное и полезное зрелище.

Строго говоря, рисковал и Ленинградский тюз, когда переносил на сцену повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Конечно, театр столкнулся не с таким сложным, «неподдающимся» материалом, как «Первая глава». Но я неспроста сказал «переносил на сцену повесть», поскольку театр отказался от обычного способа инсценировки, а представил повесть в лицах, однако, методами сцены. Действующие лица в спектакле попеременно ведут авторские отступления, описания и комментарии, не теряя при этом своей роли в сценической композиции.

Осуществив сценическое решение повести скупыми, но выразительными средствами, режиссер С. Димант помог актерам нарисовать индивидуализированные, запоминающиеся портреты девушек-солдат и их командира. Они, эти необстрелянные, пугающиеся куста простые девчонки, в борьбе с самими собой и неожиданно для самих себя становятся бойцами. И хоть гибнут одна за другой, но не пропускают врага, уничтожают фашистский отряд.

Вглядываясь в лица, не нуждаясь в детализации, не боясь показать иных из своих героев забавными, смешными или же впасть в патетику, спектакль сливает их в драматический образ высокого патриотического звучания. Постановка «А зори здесь тихие» выпущена 9 мая 1970 года и посвящена 25-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Она оказалась достойной посвящения и стала в строй лучших спектаклей такого хорошего театра, как Ленинградский тюз.

...Естественно, одним обзором не охватить большой театральной жизни Ленинграда. Но даже кратких впечатлений достаточно, чтобы разглядеть, насколько она насыщенна и действенна, и при всех просчетах интересна и позитивна в своих замыслах и воплощениях.